

Эта страница зеленого цвета,
Значит, на ней постоянное лето.
Если бы здесь уместиться я мог,
Я бы на этой странице прилег.

С. Маршак

Глава 1

ТОНЯ

Мы шли по узкому загородному шоссе. Я, Кролик и Волк. Было раннее утро. На первый рейсовый автобус мы опоздали, а ждать следующего предстояло два часа. Проносящиеся мимо машины порой приветственно сигналили, однако подбирать троичку ненормальных никто не торопился.

Кролик крепко держал меня за левую руку, Волк за правую, и стоило им услышать звук приближающейся машины, как они растягивали меня поперек дороги, будто заградительную ленту. А когда машина подъезжала ближе, дружно шарахались в сторону.

Я не сопротивлялась. Было смешно.

Солнце еще не прогрело воздух, но от асфальта поднималось приятное вчерашнее тепло, и, несмотря на тяжелую бессонную ночь, я чувствовала себя на удивление бодро.

До железнодорожной станции оставалось еще километра три, только возвращаться в Москву я не торопилась. Я вообще никуда не торопилась. Хоть весь день так шагай. Главное, что мы просто свалили из этой деревни. Живые, непобежденные и привязанные друг к другу сильнее, чем когда-либо прежде. С Кроликом, разумеется. Волку же просто было с нами по пути.

— Жаль, яблок не набрали,— приглушенно сказал Волк.— По правде говоря, я так и не понял, из-за чего весь этот кипеж. Вчера все тихо и мирно было. А сегодня прям паника.

— Просто. Не хотел там оставаться,— Кролик по-детски беззаботно покачал сцепленными в замок руками.— И больше никогда туда не вернусь.

— Никогда-никогда? — недоверчиво спросил Волк и принялся нарочно размахивать нашими с ним руками в другую сторону.— Совсем-совсем?

— Надеюсь,— неопределенно ответил Кролик.— Я отдал Миле дом. И если бы еще хоть немного там пробыл, то обязательно пожалел бы.

— Ого! — удивился Волк.

— Поэтому и не брал ничего оттуда, чтобы не вспоминать. В карете прошлого далеко не уедешь.

— Но кое-что ты все же взял,— Волк повернул в его сторону морду: — Я видел.

Кролик тоже посмотрел на него.

— Хорошо. Молчу,— пожал плечами Волк.— Я же не знал, что это секрет.

Я насторожилась:

— Что ты взял?

Кролик выпустил мою руку и поправил ляжку рюкзака:

— Ничего особенного. Бесполезное старье.

— Так,— я пихнула его в бок: — Говори быстро!

— Давай потом?

Быстро схватившись за рюкзак, я потянула его на себя. Вещей в нем особо не было, но зато явно прощупывалось что-то узкое, твердое и тяжелое.

— Это что?

Сквозь белые кроличьи резиновые уши просвечивалось солнце, и от этого казалось, что они светятся. Послышался тяжелый вздох. Кролик опустил рюкзак на землю, растянул завязки и вытащил оттуда завернутый в черную толстовку предмет. Обхватил его ладонями и стянул ткань вниз.

Сначала моим глазам предстала перемотанная синей изолентой деревянная рукоятка, а за ней — черный короткий металлический ствол.

— Дедов обрез, — беспечным тоном пояснил Кролик.

— Ты же сам клялся, что ничего забирать не будешь.

— Это не воспоминание. Это просто полезная вещь. Где я еще такое найду?

— С ума сошел? Чтобы носить оружие, нужно разрешение.

— Это статья, — подтвердил Волк, протягивая руку к обрезу, но Кролик, быстро схватив рюкзак, отошел в сторону:

— Мне ничего не будет. У меня справка из психдиспансера.

— Зашибись, — Волк громко хохотнул: — Псих с обрезом.

Белые цифры 88 на его синей, напоминающей футбольную форму футболке тоже светились на солнце.

— Зачем он тебе? — спросила я.

— Затем, что даже у меня терпение не бесконечное.

— Кость, ну хватит. Разгуливать по Москве с этой штукой — полная дичь.

Я сняла с него маску, и, пока приглаживала светлую, отросшую до самого носа челку, Волк изловчился и выхватил обрез из рюкзака. Затем тоже снял маску.

— Он хоть стреляет?

— Еще как стреляет, — Амелин попытался отнять ствол, но Лёха быстро отскочил, уронил маску, но не поднял, а рванул в сторону, и они стали гоняться друг за другом.

Зигзагами. От обочины к обочине.

— Совсем сдурели? — закричала я. — А если он выстрелит?!

В утренней тишине мой взволнованный голос прозвучал чересчур громко.

— Не выстрелит, — Амелин наконец отобрал обрез. — Он не заряжен.

— А-ха-ха, — закатился Лёха. — Представляю, к тебе такие хулиганы подходят, а ты им: «Ща, пацаны, пять сек, пушку только заряжу».

— Не. Я их прикладом накрою.

— Ага, — поддакнула я. — А потом справкой из психдиспансера добьешься.

Через час мы с небольшими остановками все же добрались до станции и сели в электричку. К счастью, людей в ней было немного, поэтому продолжение игры в Кролика и Волка выглядело не так позорно.

Все началось с того, что Лёха пристроился к сидевшей напротив нас курносой коротко стриженной девушке и предложил «сфотографироваться с волком недорого».

Девушка смутилась. Лёха заверил, что, если фотка ей не понравится, он вернет половину стоимости. Передал мне телефон, обнял ее и велел снимать.

Девушка покраснела, но, не решаясь пересесть, стала неловко подыгрывать ему. К ним присоединился Кролик, и я какое-то время фотографировала их в разных дурацких видах и позах.

А потом нас увидел проходивший мимо мальчик лет шести и, уцепившись за маму, принялся канючить: «Хочу сфотографироваться с зайчиком». Это громкое, разносящееся на весь вагон нытье длилось минут пять, пока его мама все же не подошла к нам:

— Можно он с вами сфотографируется?

— Можно, — ответила я.

— Это за деньги?

— Нет. Кролик бесплатный, а с Волком сами договаривайтесь.

— Для детей я тоже бесплатный, — с укором произнес Волк.

— Привет, — Кролик протянул ребенку руку: — Ты кто?

— Я Слава.

— А я Кролик.

— А почему не зайчик?

— Потому что зайчики дикие и живут в лесу, а кролики домашние и ручные.

— У тебя есть хозяин? — удивился Слава.

— У меня есть хозяйка, — Кролик кивнул на меня.

— Правда? — ахнул мальчик. — Он ваш?

— Мой.

— А Волк тоже ваш?

— Нет, Волк приبلудный.

— Чего это я приبلудный? — возмутился Волк. — Я же дикий! Где вы видели ручного Волка?

Кролик усадил Славу к себе на колени, но, вместо того чтобы смотреть в камеру, мальчик попытался ткнуть ему пальцем в глаз. Амелин вовремя отдернулся.

— Ты правда Кролик?

— Конечно.

— Любишь морковку?

— Я люблю яблоки.

— Мам, дай яблоко, — потребовал Слава.

Женщина полезла в сумку.

— Я сейчас не голодный, — признался Кролик.

— Мам, дай яблоко!

— Ты же слышал, Кролик сказал, что он не хочет кушать.

— Дай яблоко... — Мальчик оказался упертый.

Мама со вздохом протянула ему яблоко.

— На. Ешь, — Слава ткнул его в маску: — Я хочу посмотреть.

— Давай мне, — предложил Волк. — Я съем.

— Нет, — отрезал мальчик. — Волки яблоки не едят.

И с еще большей силой стал пихать яблоко в резиновую кроличью морду:

— Ешь!

Осторожно заведя руку ему за спину, Кролик принялся щекотать мальчишку и, пока тот, извиваясь, визгливо хохотал, второй рукой аккуратно забрал яблоко и передал мне.

Перестав дергаться, Славик тут же заметил пропажу:

— А где яблоко?

— Я его съел.

— Как съел?

— Ну ты же хотел, чтобы я его съел?

Мальчик схватил его руку, Кролик показал пустую ладонь, но настырный ребенок полез проверять и вторую руку.

— А ты какие-нибудь стихи про кроликов знаешь? — спросил Амелин.

— Зайку бросила хозяйка... — подсказала мама.

— Под дождем остался зайка... — продолжил мальчик.

Женщина взглянула в окно, воскликнула:

— Боже мой, Слава, наша станция, — подхватила сына под мышки и утащила на выход, а яблоко осталось у меня.

Только они скрылись, как с соседних кресел к нам перебралась расфуфыренная женщина лет тридцати и тихим, заговорщицким голосом произнесла:

— Ребят, а можно я тоже вас пофотографирую? Мне в Фейсбук пост писать нужно, а в голове ни одной мысли. А так ваши фотографии размещу и подпишу, что в электричках весело ездить. Только сядьте рядом.

— Сто рублей, — нагло заявил Лёха.

Она согласилась.

Я собиралась пересесть, чтобы не портить им кадр. Но женщина попросила остаться. Потому что из-за красных волос я похожа на Красную Шапочку и очень гармонично смотрюсь рядом с Волком.

Над Красной Шапочкой Лёха так долго угорал, что привлек внимание всего вагона.

Возле нас нарисовались три малолетние девчонки в коротких юбках с ярко покрашенными губами. Одна из них прямоком плюхнулась Кролику на колени, а вторая припнулась к Волку.

— Можешь отойти? — довольно невежливо сказала мне третья, собираясь фотографировать подруг.

Однако ответить я ничего не успела.

Дико взыв и прорывчав «Вам сколько лет?», Волк принялся судорожно отпихивать девчонок от себя, точно сразу: — Идите на фиг. Отвалите.

Девчонки сначала возмутились, почему ребенку можно, а им нет, но потом стали хихикать и еще больше насели на Лёху.

В итоге одна дотянулась до ушей Волка и сорвала маску.

Перед ними предстал взмокший, разбурявшийся и симпатичный, как никогда, Лёха. Синие глаза сияли. Щеки пылали. Длинный зарубцевавшийся шрам на левой щеке покраснел и придавал его смазливой физиономии оттенок брутальности.

Девчонки оторопели и смутились. Вредное, хулиганское выражение на их лицах сменилось кокетливыми улыбками.

— Отдай, — Лёха протянул руку.

Девчонка с маской в руке оживилась и попятилась:

— Это ты свой шрам под ней прячешь?

— Это чтобы ты не ослепла от моей красоты. Быстро отдала!

— Не-а.

Лёха рывком привстал. Девчонки шарахнулись назад, и та, что с маской, перекинула ее своей подруге.

— Вы че, оборзели?

Лёха вскочил и кинулся за ними по проходу. Послышался радостный визг и шум.

Мы с Кроликом поднялись посмотреть. Народ в вагоне со смехом наблюдал за происходящим.

Одна из бывших Лёхиных подружек от обиды написала на него заявление в полицию, обвинив в домогательстве, и, хотя потом очень быстро заявление это забрала, потому что оно было липовое, Лёху все равно долго песочили, угрожали статьей и запретили приближаться к несовершеннолетним девушкам в принципе.

Он загнал одну из них на сиденье, навис и уже собирався отнять маску, как вдруг, резко отшатнувшись, крикнул нам:

— Заберите у нее маску. Мне нельзя, а то посадят.

— Давай я, — отозвался Амелин так, словно, кроме нас, вокруг никого не было. — У меня справка из психдиспансера, мне ничего не будет.

В вагоне повисла тишина. Смех прекратился. Опасаясь, что Амелин подойдет к ней, девчонка сама протянула Лёхе маску.

Больше до Москвы нас никто не беспокоил.

Пока мы шли до электрички, пока ехали на ней, мне казалось, что самое главное — вернуться домой, и тогда все будет хорошо. Но уже в метро, в битком набитом вагоне на Кольцевой, я вдруг осознала, что после трех недель, проведенных вместе в деревне, после всего, что там произошло, пара районов между нами теперь превратятся в огромное расстояние.

— Ты чего? — Амелин заглянул в лицо. — Тебе больно? На ногу кто-то наступил?

Он поискал глазами возможного обидчика.

Мои руки за его спиной еще крепче сжались в замок.

— Давай зайдем, где-нибудь поедим?

— А как же спать?

— Может, не будем спать?

— Как, вообще?

— Ну, пока что.

— А что будем делать?

— Погуляем.

— После бессонной ночи, пяти километров пешком и электрички? Да и мышцы болят, — он распрямил плечи, потягиваясь: — Особенно под ребрами.

— Может, тебе к врачу?

— Да нет. Два-три дня отлежусь, и все. Это же просто растяжение.

— А поехали сразу к тебе?

— У меня там соседи. Забыла?

— Они соседи по квартире, а не по комнате.

— Думаешь, Артём стучится? Это же его квартира.

Я там просто сплю. Я тебе говорил.

Но я знала, что Артём уехал и в квартире никого нет.

— Все ясно.

— Можешь прямо сказать, что тебя беспокоит?

Такой серьёзный, участливый взгляд черных, как бездонный колодец, глаз.

Когда не требовалось, Амелин понимал все без слов, а теперь тупил, как умственно отсталый.

— Ничего.

— Хорошо. А то мне показалось, что ты расстроена.

На нашей ветке я так крепко заснула, что, когда он меня разбудил и вывел из вагона, долго не могла сообразить, что происходит и как мы там оказались. Ушла, даже с Лёхой не попрощалась.

— Мы хотели поесть, — вспомнила я уже возле своего дома.

— Ты на ногах еле держишься.

— Почему ты за меня это решил?

— Потому что ты спала.

— Все, пока, — я отобрала у него свой рюкзак. — Спасибо, что проводил, несмотря на дикую боль от растяжения. Давай. Увидимся как-нибудь.

— Тоня, ты мне точно не хочешь ничего сказать?

— Что сказать?

— Почему ты злишься, и что тебя беспокоит.

— Знаешь, Амелин, я так устала о чем-то беспокоиться, что уже ничего не хочу.

— Просто скажи как есть. Прямо.

Он вопросительно ждал.

— Раз уж мы договорились говорить все честно и ничего не скрывать, то сейчас самое время.

— Не понимаю, о чем ты.

Теперь это был вопрос принципа. Если для него не важно было оставаться вместе, то и я навязываться не собиралась.

— Точно?

Я прикусила губу.

— Тогда я пошел.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Вот что за человек? Совершенно очевидно, что он все понял, но, когда убедился, что и я поняла, что он понял, просто развернулся и спокойно пошел в сторону метро.

На нем была черная-белая полосатая футболка с длинными рукавами и серые линялые джинсы, которые нужно было выбросить сто лет назад, но Амелин лишь любовно порезал их на коленках, превратив в дизайнерский хенд-мейд.

Я дождалась, пока он завернул за угол дома, а потом побежала догонять:

— Ладно. Скажу. — Я ухватила его за рукав. — Мне просто не хотелось расходиться так быстро. Вот и все. Ничего такого, — выдала я на сбивающемся дыхании.

— А почему тебе не хотелось расходиться?

У него еще хватало наглости улыбаться.

— Все. Собрался спать — иди. Не хочу тебя держать.

— Мне кажется или ты не совсем это собиралась сказать? Ты ведь собиралась сказать, что хочешь меня держать? Что ты очень хочешь меня держать. И что не выдержишь без меня и часа? Что готова сама лечить мое растяжение. И тебе нет никакого дела до моих соседей, а спать можно завалиться где угодно, лишь бы не прощаться прямо сейчас. Правда? Ты это хотела сказать?

— Что-то типа того.

— Ну, слава богу, — он с облегчением вздохнул и сгреб меня в охапку. — Как хорошо, что мы решили всё друг другу

говорить. Я знаешь как испугался, что ты этого не скажешь? всю дорогу про это думал. Ведь я же мог тебе надоест.

— Ты мне не надоел.

— Тогда давай ты пойдешь домой, поспишь, а я пока смогаюсь в одно место, вернусь за тобой, и мы отправимся к Артёму?

— В какое еще место?

— Да так, — он поморщился. — Оплату за квартиру забрать.

Ту квартиру, где они раньше жили, его мать — Мила — уговорила бабушку сдавать. Об этом Амелин узнал лишь за день до появления новых жильцов. Мила сказала, что он может снимать комнату в Москве или, что еще выгоднее, переселиться в деревню к бабушке.

Так что Костику пришлось срочно искать себе какое-то жилье. Он собирался перекантоваться у Артёма всего несколько дней, но тот сам настоял, чтобы он остался. Теперь же, после смерти бабушки, Амелин мог вернуться в оставшуюся ему квартиру, но пока что плата за аренду была единственными деньгами, на которые он мог жить.

— Я поеду с тобой.

— Не нужно. Ты устала и хочешь спать.

— Уже не хочу.

— Это опять на метро.

— Ничего страшного.

— Это одни Милины знакомые.

— Ну и что? Что в них такого?

— В общем, было бы лучше, если бы ты осталась.

— Почему? Что с этими знакомыми не так?

Он помялся, вздохнул и, сообразив, что теперь я уже от него не отстану, согласился.

Мы пошли обратно к метро.

Я все ждала, что он пояснит что-то насчет этих загадочных знакомых, но, проходя мимо автобусной остановки, он вдруг притормозил:

— Смотри.

На остановке под стеклянным козырьком навеса, подтянув под себя ноги и закрывшись локтями, сидел кто-то маленький, сжавшийся и дрожащий.

Вначале я подумала, что это девушка, но, когда мы подошли, стало ясно, что мальчишка.

— Ты чего? — Амелин осторожно потрогал его за плечо.

— Ничего, — мальчишка шмыгнул носом.

— А чего ревешь?

— Я не реву.

— Н-да, конечно, — согласился Амелин совершенно серьезно. — Тебя кто-то обидел?

— Или, может, ты потерялся? — предположила я.

— Я тут всю жизнь живу. Вон там... — Мальчишка махнул рукой.

— Тогда иди домой, — сказал Костик. — Менты увидят — к себе увезут, а мать твою оштрафуют.

— Не хочу домой. Лучше пусть у меня вообще дома не будет, — голос мальчика дрогнул, едва сдерживая рыдания.

Амелин присел рядом с ним на корточки:

— Что случилось?

Мальчик покосился на него и вдруг разрыдался, пряча лицо в ладонях:

— Я не хочу. Не хочу. Не хочу.

Мы переглянулись.

— Тебя дома обижают? — спросила я.

Он утерся рукавом, но ничего не ответил.

Амелин сунулся в рюкзак, достал оттуда маску и, надев ее, подсел к нему:

— Здоров, — протянул руку. — Я Кролик. А ты кто?

— Никто, — буркнул мальчик.

Кролик притворно отшатнулся и потрогал его пальцем:

— А кто тогда с нами разговаривает?